

I, 246.

ДРЮБЕНС-КИВЕСКИМ

РЕАНГІОЗНЫЯ СКАЗАНІЯ,

ИССЛЕДОВАНИЕ

ВЛАДИМІРА ЯКОВЛЕВА.

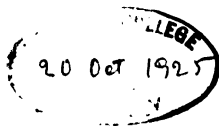
ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

На Медовой улицѣ № 487.

—
1875.

27232.132

Deposit for

**Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго
Университета.**

Ректоръ Тайный Совѣтникъ:

Н. Благовѣщенскій.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи культуры—вопросъ о значеніи христіанства въ исторіи цивилизаціи въ послѣднее время нѣсколько разъ выступалъ на сцену въ различныхъ сочиненіяхъ и подвергался обсужденію съ различныхъ сторонъ, но одна сторона до сихъ поръ осталась еще почти не тронутою, а именно исторія воспріятія христіанскихъ идей различными народами и измѣненія, происшедшія въ христіанскихъ преданіяхъ подъ вліяніями народности, однимъ словомъ, чрезвычайно важный вопросъ народности въ христіанской религіи до сихъ поръ почти ускользалъ отъ вниманія изслѣдователей. Между тѣмъ вопросъ этотъ представляетъ чрезвычайную важность не только для частнаго историка религіи, но и для историка культуры вообще. Христіанская религія распространилась по цѣлому свѣту, и оставаясь неизмѣнною въ своихъ основахъ, распалась кромѣ двухъ или трехъ главныхъ исповѣданій, на сотни отдѣльныхъ сектъ и ученій. Евангельское ученіе обращало на себя вниманіе не всегда существенно своею стороною, но часто въ христіанскихъ сектахъ остаются самые незначительные признаки общей христіанской религіи (какъ напр. въ нѣкоторыхъ сектахъ Америки, у нашихъ хлыстовъ и т. под.), за цѣлою массою чрезвычайно странныхъ вѣрованій и обрядовъ. Если подвергнуть критическому анализу эти вѣрованія, то прежде всего изслѣдователю представится нѣсколько разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается ученіе секты, и при этомъ однимъ изъ важнѣйшихъ неспремѣнно окажутся народныя вѣрованія, существовавшія до принятія христіанства, которыя измѣнили сообразно своему характеру принятое ученіе. Въ этомъ проявляется самое рѣзкое вліяніе народ-

ныхъ понятій на религію. Но кромѣ созданія массы сектъ съ народнымъ характеромъ, національное воззрѣніе проявляется еще въ значительной степени и въ христіанскихъ легендахъ народной поэзіи. Въ послѣднихъ весьма ясно выражается та степень народнаго развитія, на которой застало народъ принятіе христіанства, поэтому изученіе этихъ легендъ становится дѣломъ чрезвычайно важнымъ для историка культуры вообще и для историка словесности въ частности.

Съ тѣхъ поръ, какъ исторіи литературы дали болѣе широкое опредѣленіе, нежели она имѣла во время господства ложно-классицизма въ Европѣ, христіанская легенда получила неотъемлемое право на мѣсто въ этой наукѣ. Въ новыхъ курсахъ различныхъ исторій литературы, всегда отводится нѣкоторое число страницъ и для историческаго обозрѣнія религіозныхъ сказаній.¹⁾

Историки указываютъ на легенду какъ на историческій источникъ²⁾, но до сихъ поръ за исключеніемъ превосходнаго сочиненія Альфреда Мори. *Essai sur les legendes pieuses du moyen age* и нѣсколькихъ, весьма немногихъ статей, нѣтъ сочиненій посвященнаго изслѣдованію этого рода литературныхъ произведеній. Между тѣмъ пользованіе легендами, какъ историческимъ матеріаломъ невозможно безъ всесторонняго ихъ критическаго разсмотрѣнія; а по своему особенному характеру, религіозныя сказанія требуютъ нѣсколько особеннаго критическаго разсмотрѣнія. Для исторіи русской культуры, какъ уже было не разъ замѣчено, христіанскія легенды представляютъ еще большее значеніе, такъ какъ

¹⁾ Wackernagel *Geschichte der deutschen Litteratur* 158—107 и 353—387 G. Kurz *Leitfaden zur Geschichte der deutschen Litteratur* §§ 30, 92, 118 Koberstein, Gerwinus, Gordeke и др. Ampere *Histoire litteraire de la France avant Charlemagne* главы II, III, V, VII, XIV второй книги посвящены разбору произведеній христіанской литературы во Франціи и между прочимъ здѣсь изложено содержаніе съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями о житіяхъ мучениковъ діонскихъ: св. Иренея, св. Наулина, св. Мартина и др.

²⁾ Wattenbach *deutschen Geschichtschreiben in Mittelalter* y. y. 6, 27, 34, 82 и друг. Pothast *Bibliotheca historica Moedii aevi*.

они часто представляют единственный источник умственной деятельности наших предков и такъ какъ изъ всѣхъ письменныхъ памятниковъ нашей древности, въ ней по преимуществу сохранились черты народнаго быта и его воззрѣній. По этому понятно, что въ изслѣдованію нашихъ религіозныхъ легендъ обращались многіе изъ нашихъ ученыхъ, и мы, вѣроятно, можемъ сказать безъ преувеличенія, что этотъ предметъ гораздо болѣе обращалъ на себя вниманія ученыхъ у насъ, чѣмъ на западѣ. Но при громадности матеріаловъ, безъ необходимыхъ предварительныхъ работъ, и при незначительности числа дѣятелей, еще остается весьма много дѣла. Мы рѣшились обратиться къ разсмотрѣнію одного, какъ намъ кажется, самаго распространеннаго вида христіанской легенды древней Руси, а именно житій святыхъ. Для перваго изслѣдованія избрали своимъ предметомъ сборникъ житій Кіево-Печерскихъ угодниковъ, извѣстный въ нашей литературѣ подъ названіемъ *Патерика Печерскаго*.

Прежде чѣмъ приступить къ предмету нашего изслѣдованія, принимая во вниманіе то громадное вліяніе, которое имѣли на нашихъ агіобіографовъ ихъ греческіе предшественники, мы считаемъ не лишнимъ вмѣсто введенія или предисловія, представить характеристику христіанской агіобіографіи.

Житія людей, послужившихъ христіанству и поэтому достойныхъ вѣчной по себѣ памяти, появляются уже въ первые вѣка новой эры. Уже у перваго христіанскаго лѣтописца Евсевія (IV в.), въ его исторіи мы встрѣчаемъ значительное число разсказовъ о жизни и христіанскихъ подвигахъ святыхъ, по преимуществу мучениковъ. Подобные же разсказы, по его сознанію, служили источниками для его исторіи; напр. жизнь мученика Поликарпа, мученія святыхъ въ Ліонѣ и Галліи. ¹⁾ Уже съ первыхъ временъ христіанства церковная администрація заботилась о сохраненіи и собраніи извѣстій о христіанскихъ мученикахъ. Такъ св. папа Климентъ назначилъ семь натаріусовъ для города Рима, поручивъ имъ собирать

¹⁾ Hist. eccl. lib. VII, cap. XXV.

достоверныя извѣстія объ страданіяхъ св. мучениковъ. Послѣдующіе палы и святители другихъ мѣстностей также ревностно заботились о увѣковѣченіи житій подвижниковъ.¹⁾ Громадное значеніе житій святыхъ въ первые вѣка христіанства и вообще въ средніе вѣка у всѣхъ новообращенныхъ народовъ становится понятнымъ при слѣдующемъ соображеніи. При совершенномъ невѣжествѣ большей части прозелитовъ, высокія, отвлеченныя истинны христіанства не могли быть доступными для принимающихъ новое ученіе, а для того чтобы ученіе слѣбалось имъ болѣе понятнымъ, необходимы были примѣры христіанской жизни;—и вотъ появляются образцы жизни людей, по христіанскимъ понятіямъ, жизни могущей служить образцами для новообращенныхъ.²⁾ Такъ Аввасій Александрійскій († 375) одинъ изъ популярнѣйшихъ отцовъ церкви, изложилъ жизнь св. Антонія для монаховъ Галліи, „чтобы послѣдніе взяли жизнь этого святаго за образецъ своей жизни, и у него учились въ чемъ должны упражняться и чего должны избѣгать, чтобы, не смотря на свое удаленіе отъ общества, быть благодѣтельными послѣднему.“³⁾ Хотя это сочиненіе и предназначалось собственно для монаховъ, но жизнь монашеская выставилась идеаломъ, высшихъ образцовъ христіанской жизни вообще, и по сему должна была представлять и міранъ. Такимъ образомъ въ различныхъ странахъ у различныхъ народовъ появляются образцы христіанской жизни для различныхъ сословій или состояній; житейская сторона челоѣка обусловливалась какъ бы примѣрами образцовыхъ со стороны религіи людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ составители этихъ образцовъ часто должны были по неволѣ дѣлать возможныя уступки общественному положенію и требованіямъ обыденной жизни, отсюда въ эти сочи-

1) См. объ этомъ dom Pitra *Études sur la collection des actes des saints par les Bollandistes*. Предисловіе и въ особенности предисловіе лучшаго изъ болѣе доступныхъ собраній житій святыхъ Stadler u. Heim *Volständiges Heiligen-Lexikon Ausburg 1858—1875*. Неоконченъ.

2) См. Dunlop's: *Geschichte der Prosadichtung übersetzt v. Liebrecht Patrologie*, pag. 202, Al. 2.

3) *Anzogs Grundriss der Patrologie*, pag. 188.

ненія вкрался въ значительной степени элементъ чуждый христіанству—явилось значительное смѣшеніе христіанства съ житейскими обычаями, имѣвшими мнѣшное происхожденіе, появилось то, что извѣстно нашей духовной литературѣ, преслѣдовалось въ жизни подъ именемъ двоевѣрія, но едва ли не въ большей мѣрѣ распространенное на западѣ. Эта сторона религіозныхъ вѣрованій обращала на себя неоднократно вниманіе ученыхъ на западѣ и въ европейской ученой литературѣ въ настоящее время вопросъ о смѣшеніи христіанства съ язычествомъ въ жизни уже настолько разработанъ, что труды западныхъ ученыхъ могутъ служить и уже отчасти служатъ руководствами для нашихъ изслѣдователей.¹⁾ Но собственно религіозныя сказанія доселѣ еще остаются почти совсѣмъ нетронутыми.

При изученіи житій святыхъ на первомъ планѣ встрѣчается самый трудный вопросъ объ ихъ источникахъ.²⁾ Въ основаніи почти каждаго житія долженъ былъ быть историческій фактъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ возможности въ большемъ числѣ случаевъ отрицать существованіе самаго святаго; но самая жизнь послѣдняго часто представляетъ такую смѣсь возможнаго съ невѣроятнымъ, что часто приходится отказываться отъ пользованія сочиненіемъ, за невозможностью отдѣлится баснословной легенды отъ историческаго повѣствованія. Какимъ же образомъ объяснить это стремленіе къ баснословности въ сочиненіи такого рода, гдѣ повидимому должна имѣть мѣсто только голая правда. Рѣшенію этого вопроса посвящаю чрезвычайно замѣчательное сочиненіе Альфреда Мори,³⁾ нѣкоторые выводы котораго мы здѣсь изложимъ.

Изученіе огромной массы христіанскихъ легендъ среднихъ вѣковъ привело А. Мори къ тремъ выводамъ. Онъ замѣтилъ въ легендахъ:

¹⁾ См. *Culturgeschichte des Deutschen Volkes in der Zeit des Uebergangs aus den Heidenthum in das Christenthum* v. G. Ruckert, 2 B-de. Leipzig 1855 и *Rudolf v. Raumer. Die Einwirkung des Christenthums auf dem Althochdeutsche Sprache*. Stutgardt 1845 и друг.

²⁾ Объ достовѣрныхъ источникахъ страданій мучениковъ см. *dom Pitra* и *Stadler u. Heim, loco citato*.

³⁾ *Essai sur les legendes pieuses* и проч.

- 1) Сближеніе житія святаго съ жизнію Ісуса Христа.
- 2) Смѣшеніе буквального значенія съ фигуральнымъ, приниманіе послѣдняго въ буквальный значеніи.
- 3) Забвеніе символическаго значенія разсказа и объясненіе его вновь сочиненнымъ эпизодомъ.

Мы остановимся на первомъ выводѣ, который весьма важенъ для изученія русскихъ житій.

При первомъ знакомствѣ съ житіями какъ западно-европейскими такъ и нашими, изслѣдователю бросается въ глаза частое повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ въ различныхъ житіяхъ. Въ большей части житій схожіе факты передаются съ нѣкоторыми измѣненіями, въ вариантахъ. Какъ объяснить это сходство? А. Мори это объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Догматъ-Богочеловѣка І. Х. давалъ для всѣхъ христіанъ образецъ праведной жизни на землѣ. Уже апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ефесѣямъ говоритъ: „Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленія“ (Ефес. гл. I. 5). Это изрѣченіе св. Апостола обращало на себя должное вниманіе уже первыхъ отцевъ церкви и наконецъ появилось цѣлое знаменитое сочиненіе Тома Кемпійскаго „О подражаніи Христу“. Въ средніе вѣка, во время господства буквы въ западной Европѣ, подражаніе Христу понималось стараніемъ приблизить жизнь чело-вѣка къ земной жизни Спасителя. Чѣмъ болѣе былъ совершеннѣе чело-вѣкъ, тѣмъ болѣе жизнь его походила на земную жизнь его божественнаго образца.

„Представимъ себѣ, говоритъ нашъ авторъ, монаха составляющаго жизнь святаго. Какія могли быть у него матеріалы для содѣйствія его благочестивому стремленію? По большей части ихъ замѣняло то, что сохранилось въ его памяти. Это были преданія, собранныя въ странахъ, гдѣ подвизался святой, гдѣ онъ проповѣдывалъ ученіе, представлялъ собою образецъ добродѣтелей и расточалъ массу благодѣлій; все это собрано агіографомъ случайно, и если ему иногда и попадалось на помощь болѣе достовѣрное свидѣтельство, нѣсколько писанныхъ сочиненій, то какія средства имѣлъ восторженный и довѣрчивый писатель для проверки столь же довѣрчивыхъ и восторженныхъ свидѣтельствъ? При такомъ недостаткѣ

достоверныхъ свидѣтельствъ, при неполнотѣ преданій, сохраненныхъ памятью, какъ поступалъ монахъ, желавшій разсказать въ мельчайшихъ подробностяхъ жизнь почитаемаго имъ святаго, что могъ онъ сдѣлать? Преисполненный благоговѣннѣе къ своему святому, котораго онъ желалъ поставить на ряду съ тѣми, которые до него уже почитались, и чтобы привлечь для поклоненія своему святому возможно большее число людей набожныхъ, онъ изображаетъ жизнь его сходною съ жизнью божественнаго Владыки, коею тѣмъ болѣе похожею, тѣмъ больше былъ его энтузіазмъ и тѣмъ менѣе историческихъ данныхъ для біографіи святаго.”¹⁾ Въ богословской литературѣ хорошо разработаны вопросъ о подражаніи земной жизни Спасителя, и я считаю лишнимъ излагать его здѣсь.

Но такимъ образомъ составлялась только первая редакція житія, тѣмъ, кто былъ очевидцемъ жизни святаго или собиралъ свидѣтельства очевидцевъ. За симъ слѣдуютъ дальнѣйшія переработки, прибавляются различные преданія, и религиозное легвовѣріе, столь обычное въ средніе вѣка, распространяетъ новыя сказанія—обыкновенно о вѣсмертныхъ чудесахъ святаго: составляется вторая часть сочиненія,—чудеса. Съ этихъ то собственно вторичныхъ сказаній и начинается легенда въ точномъ смыслѣ слова, и къ самому житію прибавляются новыя черты сходства святаго съ Іисусомъ Христомъ.²⁾

Это подражаніе біографовъ одному образцу есть первая причина того сходства между житіями, которое бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ этими памятниками духовной литературы.

Во многихъ житіяхъ встрѣчаются слѣдующіе эпизоды:

а) Чудесное предсказаніе славной будущности еще не родившемуся ребенку,—представляющимъ вариантъ Благовѣщенія.

Alf. Maury: Essai sur les legendes, pag. 4 и слѣд.

2) А. Мауру р. 7. Точно такъ, какъ І. Х. былъ образцемъ для жизни всѣхъ христіанъ вообще, всякій святой становился образцемъ вѣнчайшей жизни христіанина извѣстнаго условія. Вотъ смыслъ патроновъ корпорацій, состояній и даже отдѣльныхъ личностей, они не только естественные покровители, но и образцы, которымъ слѣдуетъ подражать, типы, до которыхъ можетъ достигнуть человекъ въ извѣстныхъ условіяхъ.

b) Святой еще въ дѣтствѣ обнаруживаетъ необыкновенную мудрость и благочестіе—мудрость ребенка удивляетъ всѣхъ его окружающихъ—фраза дѣлается стереотипною во множествѣ житій.

c) Затѣмъ чудеса, весьма важная и почти существенная часть многихъ житій, совершаемая при жизни святымъ, всѣ болѣе или менѣе близкіе варианты чудесъ Христа Спасителя.

d) Наконецъ почти въ каждомъ житіи есть эпизодъ объ искушеніяхъ святаго дьяволомъ—опять евангельскій эпизодъ въ весьма разнообразныхъ вариантахъ.

Но кромѣ этого повтореніе однихъ и тѣхъ же эпизодовъ въ житіяхъ нѣсколькихъ святыхъ еще увеличивалось тѣмъ, что житія первыхъ подвижниковъ вызвали въ свою очередь въ ученикахъ послѣднихъ и послѣдующихъ монахахъ желаніе имъ подражать. Въ житіяхъ очень часто встрѣчаются свидѣтельства о желаніи новаго святаго подражать какому либо знаменитому своему предшественнику. Такъ блаженный Θεодоритъ въ своей Исторіи Боголюбцевъ говоритъ: „Сами святые, бывъ подражателями высокаго любомудрія древнихъ святыхъ, начертали память ихъ не на мѣди и не бубнахъ, но совершивъ каждую изъ ихъ добродѣтелей, себя самихъ одѣлали какъ бы нѣкоторыми одушевленными ихъ образами и памятниками.”¹⁾ Въ нашихъ житіяхъ видимъ тоже самое напр. въ житіи Θεодосія, преподобнаго Нестора: „Отецъ явился житіемъ подражая святаго первоначальника чернеческаго образу великаго имению Антонія, близственне еже своему тезоименитому Θεодосію, архимандриту Ерусалимскому.”²⁾

Кромѣ того въ обычаѣ агіобіографовъ было по возможности часто сопоставлять эпизоды ихъ жизни описываемаго святаго съ эпизодами изъ Ветхаго и Новаго заветъ, дѣяній Апостольскихъ и Отцевъ церкви, даже съ значительной натяжкой напр. Преподобный Несторъ въ житіи Θεодосія, говоря объ отходѣ изъ Печерскаго монастыря Никона и другаго чернеца изъ монастыря св. Михаила прибавляетъ: „И пришедша има надъ море, ту же разлучистася отъ

¹⁾ Исторія Боголюбцевъ, предисловіе автора.

²⁾ Памяти. рус. лит. XII и XIII вв., ст. 2.

себе. Яко же се апостола Павелъ и Варнава на проповѣданіе Христово, якоже пишется въ дѣяніяхъ апостолъ.”¹⁾ Или же, рассказывая, какъ однажды князь Изяславъ долженъ былъ простоять долгое время у воротъ, какъ привратникъ, узнавъ князя, не смѣлъ впустить его, но побѣждалъ сказать игумену, прибавляетъ: „Оному же стоящу предъ враты и терпящу, о семъ подражающу святаго и верховнаго апостола Петра, изведену убо тому бывшу ангеломъ изъ темницы и пришедшу ему къ дому, идѣже бѣша ученицы его и тѣкнувши ему въ врата и се рабыня, изникнувши видѣ Петра стояща, потекши повѣда приходъ его; тако и сей отъ страха не отверзе вратъ, но скоро текъ повѣда блаженному приходъ христілюбца.”²⁾

Если въ первыхъ случаяхъ указывается на подраженіе жизни извѣстнаго святаго, новымъ подвижникомъ, то въ послѣднихъ примѣрахъ уже нельзя не видѣть желанія составителей житій сближать житія ихъ съ житіями извѣстныхъ и прославленныхъ уже дѣятелей христіанства.

Наконецъ сходство между житіями въ значительной доли могло произойти и случайно. При несложности и простотѣ монашеской жизни въ ней чаще, чѣмъ въ другой могли быть повторенія однихъ и тѣхъ же случаевъ, о которыхъ В. Гриммъ сказалъ: „Бываютъ такіа положенія, которыя такъ просты и естественны, что они вездѣ повторяются, такъ какъ существуютъ сходныя мысли, которыя являются независимо одна отъ другой.”

Но если и принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то они все таки не исключаютъ необходимости признанія прямого заимствованія однимъ агіобиографомъ у другаго. Заимствованія эти по преимуществу являются въ житіяхъ, составленныхъ не очевидцами подвиговъ святаго, а въ значительно позднее время по его смерти, что весьма понятно. Не ясны воспоминанія о подвигахъ смѣшивали его дѣянія съ вычитанными подробностями біографіи другаго подвижника, а такъ какъ совершенное отсутствіе критики не давало возможности провѣрять извѣстія, то всѣ эти извѣстія помѣщались

¹⁾ Памяти. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 17.

²⁾ Ibid. стр. 26.

въ житіи. Поэтому г. Ключевскій въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ м. 1871 г.” и раздѣляетъ житія русскихъ святыхъ на два рода: одни по преимуществу біографическаго историческаго характера, отличающіяся гораздо большимъ содержаніемъ, нежели вторыя чисто похвальныя, безсодержательныя, предназначенныя для церковно-служебнаго употребленія.

Такимъ образомъ многіе изъ житій втораго рода не имѣютъ ничего индивидуальнаго, крайне безцвѣтны и невольно заставляютъ ихъ оставлять совершенно въ сторонѣ, какъ самый скудный историческій источникъ и неудачное литературное произведеніе. Поэтому въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ о русскихъ житіяхъ ¹⁾ высказана была мысль, что въ XVI вѣку сложился типъ святаго, повторяющійся съ малыми измѣненіями въ цѣлой массѣ житій. Но высказавъ это положеніе, изслѣдователи не обратили вниманіе на вопросъ былъ ли это реальный типъ, которому подражали и слѣдовали въ жизни, или же это только литературный типъ, готовая форма, въ которую агіобіографъ вкладывалъ свой, по большей части весьма скудный матеріалъ; а между тѣмъ вопросъ этотъ самой существенной важности.

Въ своемъ только что названномъ сочиненіи: „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ” профессоръ Ключевскій приходитъ къ такимъ положеніямъ:

1) По литературной задачѣ житія біографическіе факты служатъ въ немъ *только готовыми формами* для выраженія идеальнаго образа подвижника.

2) Изъ описываемой жизни житіе беретъ лишь такіе черты, которые идутъ къ означенной задачѣ.

3) Избранныя черты обобщаются въ житіи на столько, чтобы индивидуальная личность исчезала въ нихъ за чертами идеальнаго типа.

¹⁾ Хрущовъ: Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 2—14 и Иконниковъ: Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ 1869.

4) Агіобіографъ и историкъ смотрять на описываемое лицо съ различныхъ точекъ зрѣнія; первый ищетъ въ немъ отраженія отвлеченнаго идеала, второй индивидуальнихъ историческихъ чертъ.

5) Обликъ и качество біографическихъ фактовъ въ житіи находятся въ обратномъ отношеніи къ развитію чествованія святаго, въ торжественности повода вызвавшаго житіе, и къ хронологическому разстоянію, лежащему между кончиной святаго и написаніемъ житія.

6) По источникамъ и качеству фактического содержанія, житіе наиболее надежно въ двухъ своихъ частяхъ: въ рассказѣ объ устроеніи сватымъ новой обители и въ описаніи его посмертныхъ чудесъ.”

Если принять положенія г. Ключевскаго по отношенію ко всѣмъ русскимъ житіямъ, то вопросъ нашъ рѣшается положительно въ пользу того предположенія, что типъ подвижника является типомъ литературнымъ, а не жизненнымъ, и средство встрѣчающееся такъ часто въ различныхъ житіяхъ, можетъ быть объяснено или заимствованіемъ русскихъ агіобіографовъ однимъ у другаго, или же такимъ же заимствованіемъ обоихъ у одного общаго источника, каковаго либо византійскаго писателя.

Но принявъ во вниманіе, что изслѣдованіе Ключевскаго обнимаетъ только житія сѣверныхъ святыхъ, что большинство разсмотрѣнныхъ имъ житій представляетъ вторичную, а иногда и третичную переработку первоначальныхъ біографическихъ данныхъ, что первоначальныя редакціи житій, слѣды которыхъ отысканы г. Некрасовымъ ¹⁾ въ большинствѣ не дошли до насъ, мы должны будемъ ограничить положенія г. Ключевскаго только по отношенію разсмотрѣннаго имъ матерьяла и никакъ не можемъ отнести его ко всѣмъ русскимъ житіямъ. Сходство житій межд. у собою кромѣ заимствованія одного автора отъ другаго могло еще произойти и отъ того явленія, о которомъ мы говорили выше—новопоступившему монаху рекомендовалось взять за образецъ жизнь каковаго-либо извѣстнаго подвижника, житію котораго онъ подражалъ до малѣйшей подробности.

¹⁾ Зарожденіе національной литературы въ Сѣверной Руси, изслѣдованіе Н. Некрасова. Одесса 1870 г.

сти; мы находимъ постоянно въ житіяхъ выраженія. Подражанъ своему тезоимянику, подражанъ свят. Антонію Египетскому и т. п. Слѣдовательно сходство отдѣльныхъ эпизодовъ житій, кромѣ прямого заимствованія одного агіобиографа отъ другаго, происходитъ частью еще отъ подражанія въ жизни святаго какому либо извѣстному предшественнику. Наконецъ многіе отдѣльные эпизоды сходные въ различныхъ житіяхъ—могли быть совершенно случайны: одинаковая обстановка жизни, въ которой находятся монахи, извѣстный путь подвижничества даетъ возможность частому повторенію однихъ и тѣхъ же фактовъ въ жизни подвижниковъ. Только признаніемъ всѣхъ трехъ условій можно объяснить частыя повторенія въ житіяхъ.

Эти общія соображенія мнѣ кажется не будутъ неумѣстны въ изслѣдованіи посвященномъ одному изъ извѣстнѣйшихъ сборниковъ русскихъ житій, тѣмъ болѣе, что въ русской научной литературѣ существуетъ о нашихъ житіяхъ святыхъ мнѣніе діаметрально противоположное мнѣнію г. Ключевского такого авторитетнаго знатока дѣла какъ г. Буслаевъ. Въ разборѣ сочиненія г. Костомарова „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ,” дѣлая замѣчаніе автору въ томъ, что онъ слишкомъ довѣрился иностраннымъ путешественникамъ, не достаточно провѣряя ихъ русскими источниками, пр. Буслаевъ говоритъ: „Едва ли не самый важный источникъ для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ, даже вовсе и не замѣченный г. Костомаровымъ это житія русскихъ святыхъ. И на западѣ, гдѣ такъ много всякихъ другихъ источниковъ и художественныхъ памятниковъ старины, житія святыхъ по достоинству оцѣнены, какъ необходимые матерьялы для исторіи не только церкви, но и государства и культуры. У насъ же при бѣдности въ письменныхъ и монументальныхъ матерьяловъ и при отсутствіи легкой повѣствовательной литературы, житія святыхъ имѣютъ еще большее значеніе и какъ художественное его возсозданіе. Съ одной стороны предлагаются въ нихъ важнѣйшія данныя для православія въ Россіи, съ другой любопытнѣйшія подробности для исторіи нравовъ, обычаевъ, образа мыслей и т. п. Въ статьяхъ о чудесахъ угодниковъ иногда въ замѣчательно яркихъ очер-

кахъ выступаетъ частная жизнь нашихъ предковъ, съ ихъ привычками, задушевными мыслями, съ ихъ бѣдами и страданіями.”¹⁾

„Велики изображаются по житіямъ подвиги иноковъ, говорить другой нашъ почтенный ученый знатокъ церковной исторіи и литературы,²⁾ тяжела ихъ борьба съ грѣшиною чувственностью и съ лукавыми демонами, но за то еще въ сей жизни они начинаютъ жить въ мірѣ чудесъ. Звѣри имъ служатъ, стихіи ихъ слушаются, ангелы съ ними бесѣдуютъ, будущее и отдаленное отъ нихъ не закрыто равно и современныя мысли простыхъ смертныхъ. Для періода вс. соборовъ иночество сдѣлалось тѣмъ же, чѣмъ было мученичество для церкви первенствующей. Къ нему стремились всѣ, жаждавшіе высшихъ духовныхъ интересовъ, и аскетическій идеалъ — обставленный цѣлымъ рядомъ привлекательныхъ легендъ, своего рода духовно-монашескимъ эпосомъ — безраздѣльно царилъ въ нравственной жизни греко-восточнаго міра. Женское иночество, какъ видно, установилось не вдругъ; и мы видимъ цѣлый рядъ св. женщинъ, которыя каждая иночества, подѣ образомъ скопцовъ, спасались между монахами. Но очень рано опредѣлилось распаденіе иночества на два вида: уединенное отшельничество и общежитіе. Подѣ влияніемъ политическихъ обстоятельствъ центръ иноческой жизни передвигался; сначала онъ былъ въ Египтѣ, Палестинѣ и на Синаѣ; потомъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ (обитель студійская и неусыпаемыхъ); наконецъ на Аѳонѣ. Эпоха иконоборства угрожала рѣшительнымъ ударомъ монашеству, — но послѣ нея оно опять воскресло съ новою силою, хотя жаръ первоначальнаго увлеченія аскетическими идеалами охладѣлъ въ значительной степени.

Но въ нашемъ отечествѣ иночество возродилось съ энтузіазмомъ и увлеченіемъ первыхъ временъ, и патерикъ печерскій, по богатству духовно-аскетическаго эпоса, можетъ достойно соперничать съ палестинскимъ, синайскимъ и египетскимъ. Древніе аскетичес-

¹⁾ Отчетъ о XXX присужденіи Демидовскихъ наградъ, стр. 149 и слѣд.

²⁾ Ф. А. Терновскій въ изслѣдованіи: Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевъ 1875, стр. 68 и слѣд.